

УДК 930.1

А.А. Бидная**ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСТОРИКО-МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАК ПАМЯТНИКИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
БЕЛАРУСИ XVI – НАЧ. XVII ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ
«ДНЕВНИКА» Ф. ЕВЛАШЕВСКОГО И БАРКУЛАБОВСКОЙ
ЛЕТОПИСИ)**

Статья посвящена анализу жанрово-стилистических особенностей произведений историко-мемуарного жанра, который появился на территории Беларуси в XVI веке и был тесно связан, особенно на начальном этапе развития, с традициями и канонами летописания. В статье анализируются два произведения начала XVII в., принадлежащие к этому историографическому жанру: «Дневник» Ф. Евлашевского и Баркулабовская летопись. Основной задачей произведений этого жанра является воссоздание событий, свидетелем или участником которых был автор произведения, поэтому основной их особенностью становится субъективно-объективная точка зрения автора, стремящегося с полной достоверностью описывать события. Таким образом, основными жанровыми законами этих произведений являются законы достоверности и субъективности.

Произведения историко-мемуарного жанра являются одним из источников исторических знаний о прошлом. К ним нередко обращаются исследователи с целью воссоздать картину общественно-политической, экономической жизни той или иной страны, но чаще всего, чтобы познакомиться с частной жизнью людей определенной социальной среды в определенную эпоху. Однако при использовании этих произведений в качестве исторических источников необходимо учитывать тот факт, что целью данных произведений не является показать развитие исторического процесса в целом, а лишь описать его конкретные проявления, причем весьма субъективно. Историко-мемуарный жанр является жанром синтетическим, сочетающего признаки художественной прозы и документальных форм повествования. Это обуславливает сложность и разноплановость мемуарного текста, в котором сочетаются беллетризованные и художественно-документальные фрагменты, собственно документальное изложение и, наконец, сами документы или извлечения из них. Такие компоненты мемуарного текста сочетаются в различных пропорциях в общем потоке мемуарного повествования. В ряде случаев некоторые компоненты могут отсутствовать, например, документ или беллетризованная часть, тем не менее сохраняется многосоставность текста обусловленная самой природой жанра. Обращаясь к воссозданию подлинных событий прошлого через преломление их в восприятии автора-повествователя, произведения историко-мемуарного жанра основываются на реальных исторических фактах, являются одновременно и литературным произведением, и своеобразным историческим документом. Документальным в них является авторское свидетельство о событиях и людях прошлого; также документальны и источники, привлекаемые для воссоздания картины прошлого (рассказы очевидцев событий, свое собственное участие в некоторых из них, письменные документы и др.). Таким образом, историко-мемуарный жанр является переходной формой исторического повествования. Известный русский историк В.О. Ключевский отмечал, что переход от летописи к историографии – «это переход не только от одного способа повествования к другому, от наивного к научному, но и перелом мышления; для этого

Научный руководитель – Д.В. Карев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической истории Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

необходимо одно мирозерцание заменить другим, а это еще труднее. Переходная форма повествования – записки или мемуары о своем времени, а также переписка. Связь и порядок явлений в них уже не летописные – не просто хронологическая последовательность, но отношение к личному существованию. Автор прямо или скрыто – не только главное действующее лицо повествования, но и судья. Но это еще не историография: господствующий интерес биографический, источник – не изучение, а наблюдение, как у летописца; цель – не внутренняя причинная связь явлений, а их внешняя связь с известной личной жизнью. Мемуарист еще не историограф, но уже исторический мыслитель» [7, с. 152].

Среди остальных историографических памятников XVI – нач. XVII вв. произведения историко-мемуарного жанра выделяются, прежде всего, большой достоверностью в отображении понимания истории конкретным человеком и его мировоззрения. Именно этим обусловлено то почетное место, которое занимают мемуары в жанровой иерархии, и объясняется их популярность среди исследователей и читателей. Так, исследователей прежде всего интересовала информация, содержащаяся в произведениях, независимо от их происхождения, времени и условий возникновения этих памятников. Отдельным произведениям этого жанра II пол. XVII в. посвящены исследования А.Ф. Коршунова («Дневнику» Афанасия Филиповича, Б.К. Маскевича, «Воспоминаниям» Яна Цедровского, Адама Каменского Длужика). Мемуарной литературе XVIII в. посвящена монография А. Мальдиса [9]. Некоторым произведениям историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв. посвящена глава в «Истории белорусской дооктябрьской литературы», написанная А.Ф. Коршуновым [4]. Жанровым особенностям произведений историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв. посвящены статьи А.И. Фрэйда [11, 12] и А.Ю. Мурнаева [10]. Однако, несмотря на изучение произведений этого жанра в истории историографии и истории литературы, ряд вопросов, касающихся определения жанровых особенностей произведений, истории возникновения и распространения их на территории Беларуси, классификации, остается еще неисследованным. Кроме того произведения историко-мемуарного жанра не рассматривались в качестве самостоятельного явления духовной жизни Беларуси XVI – нач. XVII вв.

На территории Беларуси первые произведения, которые можно отнести к историко-мемуарному жанру, появились в XVI в.. Их возникновение было связано с осознанием общественной значимости индивидуального жизненного опыта и обусловленного этим стремления человека понять сущность современных ему исторических событий и своего места в них. Появление произведений этого жанра связано в некоторой степени с влиянием европейской мемуаристики. Однако каким бы важным ни было влияние европейского опыта на зарождение историко-мемуарной традиции в Беларуси, он мог иметь плодотворные результаты только в той степени, в какой само общественное сознание и культура в целом были подготовленными к ее активному восприятию. Возникновение нового жанра всегда обусловлено качественным скачком в развитии общества и литературы. Так, изменения в исторической жизни народа в эпоху Возрождения и Барокко (Люблинская уния 1569 г., усиление социального напряжения и религиозной конфронтации, Брестская церковная уния 1596 г., гуманистическое и реформационное движения и др.) вызвали изменения в мировоззрении людей, в их духовных потребностях и предпочтениях, во всех отраслях белорусской культуры того времени, обусловили особенности развития историографии и литературы. В XVI в. происходит дальнейшая эволюция историко-документальной прозы и трансформация летописного жанра. На основе более-менее однородных в жанрово-стилистическом отношении общегосударственных белорусско-литовских летописей возникают новые литературно-историографические жанры (хронографы, мемуары, так называемые местные летописи). Усилением личностного начала в литературе, повышением интереса к индивиду-

альной судьбе человека, углублением понимания исторической ценности человеческой жизни вызвано появление различных видов историко-мемуарной прозы – дневников, автобиографических записок, описаний путешествий, своеобразных семейных хроник и т.д. Однако необходимо отметить, что среди произведений историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв., мало памятников, имеющих ярко выраженный автобиографический характер, которым отличаются произведения более позднего времени. А также в них наблюдается определенная социальная дифференциация: шляхта высших сословий стремится к написанию воспоминаний, низших – к ведению дневников. Такая тенденция не является случайной. В ней проявились некоторые разграничения в культурно-бытовом положении различных групп шляхетского сословия XVI – нач. XVII вв. Так, создание воспоминаний требовало высокого уровня интеллектуальной культуры автора, литературных навыков, умения исторически рассуждать, что чаще всего оказывалось свойством более образованной части шляхты. Дневники же – менее сложный и более доступный в практике способ фиксации событий и впечатлений – не требовал ни такого развитого исторического мышления, ни литературного мастерства и поэтому более соответствовал духовным потребностям провинциального шляхтича.

По форме произведения историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв. продолжают летописную традицию. Создатели этих произведений сознательно осваивают опыт летописания, используют его каноны и приемы повествовательной манеры, но при этом стремятся наполнить старую летописную форму новым содержанием. Так, почти все произведения этого жанра XVI – нач. XVII вв. строятся по летописному принципу, то есть располагают материал по годам, причем сведения автобиографического характера (о происхождении, предках, прохождении службы, получении должностей и наград, различных путешествиях, женитьбе, детях и т.д.) перемежаются в погодных записях со сведениями национальной и государственной важности (о различных военных походах и войнах, жизни королей и королевского двора, дипломатических миссиях и др.). Показательным в этом отношении является «Дневник» Федора Евлашевского (1564–1604 гг.) [6]. Его автор, Фёдор Евлашевский (7.02.1546 – после 1616 гг.), происходил из мелкопоместной шляхты. Отец Евлашевского, Михаил, был представителем древнего боярского рода, который со временем обеднел, но при формировании шляхетского сословия смог получить нобилитацию и пользовался собственным гербом. Сын его, Федор, путем самообразования получил сравнительно глубокие знания по математике и юриспруденции, благодаря чему пользовался исключительным уважением у современников. В 18 лет он начал самостоятельную жизнь и в скором времени привлек внимание не только местных панов, но и таких известных магнатов, как Н. Радзивилл, Я. Ходкевич, К. Острожский, которые поручали ему вести важные судебные дела в различных инстанциях. Так, включая во внимание его юридические способности и практический опыт, новогрудская шляхта в 1579 г. послала Ф. Евлашевского своим поветовым послом на Варшавский вальный сейм, где ему было поручено принять участие в разработке текста «Трибунала Великого княжества Литовского». Когда же в 1592 г. в новогрудском земском суде освободилось место подсудка, воеводская шляхта выбрала Ф. Евлашевского своим кандидатом, а король Сигизмунд III утвердил его на эту должность, которую он занимал вплоть до 1613 г.

В 1603 г. Ф. Евлашевский начал записывать события собственной и общественной жизни, которые казавшиеся важными его внимания. В результате появились мемуары, исследователи в дальнейшем назвали «Дневником». Эти мемуары носят автобиографический характер, сведения располагаются в хронологической последовательности. Внутри погодных записей часто встречаются ежедневные записки дневникового характера с точным указанием месяца и дня, когда происходило то или иное событие. Например, «Року 1572 месяца лютого осмого дня сполнило се мне леть тридцать и на-

сталь рокъ 31... Въ томъ же року вересня 11 дня былемъ въ Менску... Паздерника 5 выехали зъ дому до Туруня... и былемъ в Туруню 23 того месяца паздерника...» [6, с. 137]. «Року 1579 о трохъ королахъ былемъ у Городномъ, маючи потребы немалые. Въ лютымъ засе 23 дня умерла побожна пани Маковецка Анна зъ Синевиць. Въ маю то-гожь 3 дня въ неделе былемъ при великимъ жалю и фарсунку у пана Ивана Баки у Оста-шине, имену его, где му умерла малжонка Александра княжна Крошинская» [6, с. 141].

Основной единицей мемуарного текста следует считать дискретно-аналитическую запись, которая включает в себя разнородные факты, независимые от их внутренних связей и реального значения в судьбе автора и в ходе исторических событий. Одним объединяющим элементом служит само время, которое течет, как и в летописи, от одной погодной записи к другой. Образ автора скрыт за погодной сеткой повествования, а его частная жизнь предстает как цепочка эпизодов в общем потоке событий. Например, «Въ томъ-же року (1578) по святахъ въ Новгородку, подъ роками земскими, запаливши се въ ночи отъ стодолы пана Андрея Ивановича, писара короля его милости, згорело домовъ 12. Въ тежь часы умеръ панъ Александръ Ходкевичъ, староста городенский, панъ барзо добрый; погребъ былъ тела его у Супрасли 31 дня августа отправеный. О светомъ Михаиле былемъ при его милости у Городне, маючи великие sprawy передъ судом земскимъ.

Того року 1578, 22 октября побито отъ нашихъ Москвы подъ Кесю о два... и арматы немало побрано...

Року 1579 о трохъ королахъ былемъ у Городномъ, маючи потребы немалые...» [6, с.140–141]. В приведенном отрывке соединены разнородные компоненты в одну такую аналитическую запись:

- касающиеся жизни автора;
- касающиеся местной жизни;
- касающиеся политической жизни страны.

Весь «Дневник» построен по следующему принципу. К политическим событиям Ф. Евлашевский не проявляет особого интереса, поэтому он только бегло отмечает такие важные события государственной жизни ВКЛ, как Люблинская уния 1569 г., польско-русская война 1579–1581 гг., Краковский сейм 1603 г., Брестская церковная уния 1596 г. и т.д. Такое безразличие к описанию важных политических событий, которое не является целью повествования, сам автор объясняет очень просто: «опускаю то яко ведаючи отъ иншихъ выписано» [6, с. 135]. Его больше интересуют события и факты частной жизни и быта современников, которых в «Дневнике» множество, например, описание происшествия с ляховичским мельником Янушем, переправа через Неман, рассказ про убийство Яна, сына Евлашевского и др. С особым вниманием Ф. Евлашевский относится и к жизни представителей шляхетского сословия, с особой тщательностью он записывает, когда и где тот или иной пан родился или женился, как умер, где похоронен, чем выделялся при жизни, когда и при каких обстоятельствах автор с ним познакомился. В этом отношении «Дневник» Евлашевского богат на фактический материал и конкретные имена людей, что помогает понять не только саму эпоху, но ту социальную среду, из которой вышел автор.

Как уже было отмечено, в приемах создания произведений историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв. наблюдается много общего с традиционным летописанием. Так, эти произведения складывались, как правило, не в результате одновременного акта написания (как будут писаться позднейшие автобиографические произведения), а регулярно, на протяжении определенного промежутка времени. Ф. Евлашевский писал свои заметки, как это видно из его собственных слов, в конце жизни, а именно, в 1603–1604 гг. При этом автор, несомненно, пользовался краткими заметками, которые составлял в течение всей жизни, так как время упоминаемых им событий он определяет весьма точно, обозначая не только год, но и месяц, число, иногда даже день недели, когда эти события происходили.

Еще одной особенностью произведений историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв., сближающей их с летописанием, является то, что записи хронологически доводились до момента их составления, включали в себя материал, самый приближенный к действительности, продолжались иногда вплоть до последних месяцев жизни автора. Характерное для многих мемуаров XIX – XX вв. чувство исторической дистанции между созданием автобиографического повествования и описываемыми событиями, не было еще развито в произведениях XVI – нач. XVII вв.

Интересным памятником историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв., который занимает промежуточное положение между местным летописанием и мемуарами и соединяет в своей структуре особенности этих двух литературно-историографических жанров, является так называемая Баркулабовская летопись (начало XVII в.) [1]. Среди исследователей до сих пор нет четкого определения жанровой принадлежности этого произведения. Так, некоторые исследователи относили ее к летописной традиции Беларуси, принимая во внимание форму повествования (В. Вольский [3]), другие отмечали своеобразие этого произведения, соединяющего некоторые черты летописания и новых форм развития исторического знания (З.Ю. Копыцкий, В.В. Чепко [8], В.А. Чемерицкий [13], Н.Т. Войтович [2]); наконец, третьи относят это произведение к историко-мемуарному жанру (А.Ф. Коршунов [4], М.К. Добрынин [5]). Так, по внешним, формальным признакам Баркулабовская летопись, как и «Дневник» Ф. Евлашевского, придерживается летописных традиций, в соответствии с которыми события и факты располагаются в хронологической последовательности, каждая запись соотносится с определенным годом. Однако этому произведению не присуща та монолитность текста и стиля, которая отличала белорусско-литовское летописание. Если внимательно присмотреться к содержательной стороне летописи, к описываемым историческим событиям и фактам, то можно заметить, что она, скорее, напоминает «домашние записки, чем погодные записи государственного характера» [5, с. 271]. В отличие от летописца, автор Баркулабовской летописи «смотрит на мир глазами не государственного летописца, а обычного жителя, который сам хочет хорошо жить и желает, чтоб и другие тоже жили хорошо. Вопросы государства, его борьбы за независимость мало интересуют автора, хотя он и находится в центре происходящих событий» [5, с. 272]. Соглашаясь с такой точкой зрения, Баркулабовскую летопись можно отнести к историко-мемуарному жанру, а говорить о ней как о местной летописи можно только условно [4, с. 262].

В летописи описываются события конца XVI – нач. XVII вв. на территории Могилевщины – в селе и замке Баркулабове, Быхове, Могилеве и других местах Беларуси. Начальные записи – об основании замка в Могилеве в 1526 г. и заселении города пришлыми людьми, а также об основании замка и села Баркулабово в 1564 г. – носят, несомненно, вводный характер. Именно этими сведениями и начинается летопись. Сообщением же о появлении самозванца Дмитрия Ивановича и походе его войск на Москву летопись заканчивается или обрывается, так как запись под 1608 г. производит впечатление незаконченного текста. Затем помещена заметка под 1635 г. о взятии королем Владиславом Смоленска, вероятно, являющаяся позднейшей припиской, так как приведенные сведения органически не связаны с остальным текстом. Обращает на себя внимание характер повествовательной манеры этого произведения. Оно написано в традиционной для летописи форме погодных записей, которые, однако, не всегда отличаются строгим соответствием исторической хронологии. Записи до 1585 г. преимущественно краткие, написаны сухо и сжато, в них часто нарушается хронологическая последовательность событий. Например, автор дважды под разными датами записывает одно и то же событие: под 1587 г. и под 1588 г. – избрание польским королем шведского королевича Сигизмунда III Вазу [1, с. 177]; под 1586 г. и под 1588 г. – смерть польского короля Стефана Батория [1, с. 177]. События внешние по отношению к жизни села Баркулабово – войны, коронавание королей, назначение епископов и другие события политической жизни страны – излагаются непоследовательно, нередко хро-

нологически неверно. Например, взятие Пскова относится к 1580 г. вместо 1581 [1, с. 175], смерть полоцкого епископа Варсанофия записана под 1570 г. вместо 1576 г. [1, с. 175], сообщается, что царь Иван убил сына Федора вместо Иоанна [1, с. 176], Борис Годунов дважды назван неверно Стефаном [1, с. 176, 187] и др. Большой точностью отличаются только сведения из жизни баркулабовской шляхты. С 1586 г. появляются короткие заметки, носящие местный, бытовой характер. Появляются сведения о погодных явлениях, о сельскохозяйственных работах (под 1588, 1592, 1596, 1600, 1601 гг.) к концу летописи они становятся все более подробными. После 1594–1596 гг. сообщения отличаются большей последовательностью, расширенным содержанием, детальностью, под одним годом помещается сразу несколько сообщений. В этих записях мы встречаем подробный материал про казацкие походы, о судьбе казацких атаманов [1, с. 182]. Обращает на себя внимание и тот факт, что в летопись включено много сведений о жизни князя Богдана Соломерецкого и его семьи (около 14 заметок). Вероятно, что именно по его поручению и начала составляться летопись, в которую были включены сведения семейной хроники князя, а также, возможно, и некоторые материалы из семейного архива. Так, в текст летописи вставлено несколько документов: Лист от послов великого князя московского [1, с. 176], Лист короля Сигизмунда III [1, с. 179], Универсал рокоша 1606 г. [1, с. 185]. Таким образом, Баркулабовская летопись включает в себя материал, взятый из самых разнообразных источников. В одном случае – это собственные наблюдения автора, в другом – письма, рассказы и воспоминания очевидцев событий, в третьем – официальные частные и государственные документы и, наконец, народные предания и легенды.

Из важных общественно-политических событий автор более полно описывает Варшавский вальный сейм 1587 г., Брестский церковный собор 1596 г., Сандомирский шляхетский рокош 1606 г. Меняется характер изложения, когда автор рассказывает о развернувшейся борьбе против церковной унии в конце XVI в., летописец явно выступает против нее. При всем разнообразии сюжетов, сведений, внешне не связанных друг с другом, Баркулабовская летопись все же имеет единый замысел – осудить церковную унию. Для аргументации этого автор описывает бедственное положение народа. Баркулабовская летопись, с точки зрения методологии и методики, является уникальным произведением; антиуниатская концепция придает ей идейную направленность и структурную целостность, определяет своеобразную форму аргументации. Летописная форма приобрела в этом произведении новую функцию – средства создания единого по замыслу труда, в котором унию осуждает прошлое, настоящее, сверхъестественные силы и сама жизнь [8, с. 14].

Таким образом, на основе вышеизложенного материала мы делаем следующие выводы:

- в XVI – начале XVII вв. наблюдается переход от летописного способа отражения действительности к связно-целостному мемуарному повествованию и выделению на первый план личности автора с его индивидуальной биографией и духовным миром;
- в произведениях историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв. отражается определенный склад мышления человека переходной эпохи, который не в полной мере порвал связь со средневековым мировоззрением, он еще ощущает себя растворенным в историческом потоке событий, но им уже движет дух новаторства, стремление выйти за границы безличия летописи, проявить себя и свою жизнь, выразить свои взгляды;
- основной задачей произведений историко-мемуарного жанра является воссоздание событий, свидетелем или участником которых был автор, поэтому основной их особенностью становится субъективно-объективная точка зрения автора произведения, который становится единственным авторитетом, судьей описываемых событий;

- поскольку автор стремится к полной достоверности описываемых событий, основными законами жанра историко-мемуарной прозы становится достоверность и субъективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баркулабовская летопись // ПСРЛ. – Т. 32 : Хроники : Литовская и Жомойтская, и Быховца. Летописи : Баркулабовская, Аверки и Панцырного ; сост., ред. и автор предисл. Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1975. – С. 174–192.
2. Вайтовіч, Н. Т. Баркулабаўскі летапіс / Н. Т. Вайтовіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 205 с.
3. Вольскі, В. Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры эпохі феадалізму / В. Вольскі. – Мінск : Педагагічнае выдаўніцтва Міністэрства асветы БССР, 1958. – 162 с.
4. Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры : у 2 т. / рэд.-кал.: В. В. Барысенак [і інш.] ; АН БССР, Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы. – Мінск : Навука і тэхніка, 1968. – Т. 1 : 3 старажытных часоў да канца XVIII ст. – 448 с.
5. Дабрынін, М. К. Беларуская літаратура. Старажытны перыяд / М. К. Дабрынін. – Мінск : Дзяржаўнае выдаўніцтва БССР. Рэдакцыя мастацкай літаратуры, 1952. – 305 с.
6. Дневникъ новгородскаго подсудка Федора Евлашевскаго // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. – Киев, 1886. – Т. XIV январь. – С. 124–160.
7. Ключевский, В. О. Сочинения в 9 т. / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1989. – Т. 7 : Специальные курсы. – 508 с.
8. Копыцкий, З. Ю. Историография БССР. Эпоха феодализма : учеб. пособие / З. Ю. Копыцкий, В. В. Чепко. – Минск : Университетское, 1986. – 172 с.
9. Мальдзіс, А. Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя: Нарысы быту і звычаяў / А. Мальдзіс. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1982. – 255 с.
10. Мурнаев, А. Ю. О проблеме терминологического определения жанра мемуарной литературы / А. Ю. Мурнаев // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе : Вопросы теоретической и исторической поэтики. – Гродно, 1998. – Ч. 2. – С. 144–149.
11. Фрэйд, А. І. Фарміраванне мемуарнага жанру ў беларускай літаратуры XVI – перш. пал. XVII стагоддзяў у святле летапіснай традыцыі / А. І. Фрэйд // Вестні Нацыянальнай акад. навук Беларусі. Сер. гум. навук. – 1999. – № 3. – С. 112–118.
12. Фрэйд, А. І. Дакладнасць як асноўная уласцівасць жанру мемуарнай літаратуры / А. І. Фрэйд // Вестні Нацыянальнай акад. навук Беларусі. Сер. гум. навук. – 1996. – № 1. – С. 86–90.
13. Чамярыцкі, В. А. Сведкі нашай мінуўшчыны / В. А. Чамярыцкі // Беларускія летапісы і хронікі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 3–22.

Bidnaya H.A. The memoirs as a source of the development of the historical thought in Belarus in the XVIth - big. XVIIth centuries (on the basis of F. Evlashovskji`s "Dnevnik" and Barkulabovskaja annal)

The article is devoted to the analysis of stylistic and genre peculiarities of the memoirs. The genre of the memoirs appeared on the territory of Belarus in the XVIth century and was connected with traditions and canons of the annals. The main task of the memoirs was creating the events, the author participated or heard. So, the major characteristic of the memoirs is subjective-objective author's point of view, whose aim is also to certify the described events. And the main laws of that genre are the authenticity law and the subjectivity law.